

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42:39
ББК ШП41.12-55+ШП41.12-003

ГСНТИ 16.21.29

Код ВАК 10.02.19

И. Т. Вепрева, Т. В. Мальцева
Екатеринбург, Россия

БАЗОВЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИЯН В ОТРАЖЕНИИ ЯЗЫКОВОЙ РЕФЛЕКСИИ

АННОТАЦИЯ. Статья продолжает серию эмпирических исследований ученых Уральского федерального университета, посвященных динамике национальных базовых ценностей на рубеже веков. В качестве методологической базы данного этапа работы выбрана метаязыковая диагностика, определяющая поведение обыденного сознания при интенсивном обновлении концептуальной сферы. При переходе от одной исторической парадигмы к другой обыденное сознание проявляет себя как важнейшая составляющая языкового сознания, участвующая в ментально-вербальном процессе обновления системы ценностных предпочтений. Корпус метаязыковых высказываний, выявленный на базе данных «Интегрума» (Integrum.ru), включающего 3569 источников СМИ, образует особый рода дискурс, отражающий оценочное отношение россиян к базовым ценностям. В ходе анализа удалось установить векторы развития ценностных предпочтений, сформировавшихся на базе национальных культурно-исторических традиций.

Рефлексивное обсуждение фиксирует прежде всего динамические процессы в осмыслении традиционных ценностных установок. Метавысказывания закрепляют ценностно-смысловые изменения в аксиосфере россиян. В статье делается вывод о формировании прагматического взгляда на область традиционно духовных ценностей — дружбу, семью, благополучие, счастье — по мере адаптации носителя языка к новым общественно-политическим условиям. Сдвиг в сторону материального начала свидетельствует о конкретной навигации человека в условиях экономических, политических и социальных преобразований в стране. Тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций у ключевых концептов русской культуры создает ситуацию конфликта разных ценностных систем. Ситуация смысловой амбивалентности ключевых концептов носит дезинтегрирующий характер. Но в то же время обсуждение важных в жизни каждого человека гуманистических ценностей семьи, дружбы, благополучия, счастья в качестве актуального и переживаемого опыта говорит об интегральной функции базовых для русской культуры понятий, о потребности современного человека опереться на незыблемый фундамент культурного кода нации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая рефлексия; метаязыковые высказывания; обыденная аксиология; концепт; базовые ценности, динамика.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ: Вепрева Ирина Трофимовна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой риторики и стилистики русского языка, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: irina_veprevva@mail.ru.

Мальцева Татьяна Вячеславовна, магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51, к. 312; e-mail: tania_m_26@mail.ru.

Период коренных преобразований в России характеризуется рассогласованностью ценностной картины мира, формирующей основу мировоззрения людей. Российские социологи отмечают «противоречивый, турбулентный и деформированный характер общественных процессов» в России [Тощенко 2016: 5952], которые сопровождаются существенными изменениями в массовом сознании. Так, последние социологические исследования не подтверждают приписываемую россиянам особую «склонность к бескорыстному альтруизму, коллективизму, “соборности”» [Магун и др. 2015: 93]. Современное российское общество называют обществом, утратившим единые ценностные, идеологические и мировоззренческие основания [Волков 2003: 80—101]. На фоне сложившейся ситуации возникает необходимость поиска лингвокультурологических оснований идеологического строительства. В связи с этим целесообразна систематизация базовых ценностей, актуальных смыслов и речевых практик, направленных на сохранение социоцентризма русской культуры.

В рамках проекта «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика (2015—2016 гг.)»

проведено изучение коммуникативно-речевых традиций русского провинциального города с целью выявления интегрирующего потенциала базовых ценностей и ценностных установок [Национальные базовые ценности... 2015]. Мы отталкивались от следующей гипотезы: инновациям в большей степени подвержена столица, «впитывающая» западный образ мышления и перенимающая инокультурные образцы. Провинция, будучи более консервативной, сохраняет ментально-специфические модели поведения, конвенции коммуникативного взаимодействия, традиционные аксиологические ориентиры. В серии эмпирических исследований мы задались целью проверить гипотезу и проследить, как меняются базовые ценности уральцев на рубеже веков [Шалина, Пикулева 2016; Вепрева, Купина 2016].

Опытным путем на основе оригинальной процедуры выявления ключевых концептов русского менталитета был сконструирован перечень 59 базовых ценностей. Группой ученых исследовательского проекта осуществлен социолингвистический мониторинг по выявлению ментально-ценностных предпочтений студенческой молодежи. Целью проведения анкетирования — выявление степени укорененности в сознании молодежи

жи ценностных констант русской языковой картины мира.

Лингвокогнитивная и социопсихологическая интерпретация полученных результатов показала, что становление мировоззрения современной студенческой молодежи обусловлено противоречивыми социокультурными факторами влияния. Поколение, родившееся в постсоветской России, становится носителем новых ценностей. Отсутствие интереса к политическим институтам разного типа создает своеобразную асоциальность молодых людей, ориентированных прежде всего на безопасность и комфортность в пределах «ближнего круга» (семьи и друзей). Возрастает значимость дивергентного «я»-менталитета, субъектом которого становится носитель свободного сознания, ориентированный на самореализацию, устремленный к достижению личных целей. В то же время на эмотивном уровне молодые люди сохраняют приверженность социоцентрическим традициям русской культуры, относя семью, первичную ячейку коллективистского общества, к числу базовых ценностей [Вепрева и др. 2016]. В то же время предлагаемые для опроса ценности, составившие ядро концептуального поля (*Благополучие близких людей, Дружба, Семья, Счастье, Свобода, Любовь, Вера, Самореализация*), носят предельно абстрактный характер и требуют своей конкретизации в ходе дальнейшего исследования.

В данной работе в качестве методологической базы очередного этапа исследования выбрана метаязыковая диагностика, имеющая достаточную объяснительную силу применительно к поведению обыденного сознания при интенсивном обновлении концептуальной сферы. При переходе от одной исторической парадигмы к другой обыденное сознание проявляет себя как важнейшая составляющая языкового сознания, участвующая в ментально-вербальном процессе обновления системы ценностных предпочтений. Цель нашей работы — выявить степень актуализации базовых ценностей в сознании носителя языка, определить, какой смысл вкладывает языковая личность в те или иные ценностные единицы, установить векторы развития ценностных предпочтений и отталкиваний, сформировавшихся на базе национальных культурно-исторических традиций.

Корпус метаязыковых высказываний, выявленный на базе корпуса «Интегрум» (www.Integrum.ru), включающего 3569 источников современных СМИ, представляет собой естественно складывающуюся диагностическую базу данных, определенный набор речевых сигналов, которые фиксиру-

ют направление мыслительных процессов. Рефлексивные высказывания в изоляции от текстов, в которых они употребляются, образуют особого рода дискурс, отражающий оценочное отношение к базовым ценностям. Именно в этом видится вспомогательная методологическая роль метаязыковых оценок. Например: *Не люблю слово „патриотизм“, потому что его в последнее время затаскали, но при этом любовь к Родине, живой интерес к истории, в том числе и своей семье, сохранение живой памяти — ценности непреходящие, без них никуда* (Южно-Сахалинск сегодня. 26.07.2016);

— *А что хотите пожелать в наступившем году? // — Чтобы в государственной политике восторжествовал здравый смысл. И еще патриотизм — но в хорошем смысле слова. Это когда не бегаешь за кем-то с дубиной, а обустроиваешь жизнь — в своей деревне, области, стране. Патриот не прячет деньги в оффшоре, не строит замки на Лазурном Берегу. Он вкладывает свои средства и силы в свою землю, в детей и делает жизнь на родине лучше. Вот такие настроения должны быть во власти. Добиться бы такого — и тогда уж точно все будет хорошо!* (Труд. 19.02.2016).

Единицей анализа становятся рефлексивные высказывания, включающие тот или иной метаязыковой оператор (*не люблю слово; в хорошем смысле слова*) и оценочно интерпретирующие языковую единицу, вербализирующую концепт *патриотизм*. Приведенные выше контексты свидетельствуют о диссонансе «между официально проповедваемой ценностной системой и разнообразием частных, личностных ценностей и нравственных императивов» [Korzeniewska-Berczynska 2001: 29], ср. аксиологические установки, внедряемые на государственном уровне [Купина 2016а, 2016б].

Анализ рефлексивных высказываний по поводу базовых ценностей русской культуры, выделенных на предыдущих этапах исследовательской работы, показывает, что для обыденного сознания важным является факт сдвига в традиционном понимании ценностей, например: *Почти священные слова „дружба народов“, волновавшие чувства нескольких поколений, сегодня и вовсе затруднительно воспринимать иначе как прикол* (Знамя. 15.01.2001); *Сегодня существует много вызовов традиционному укладу, даже слово „семья“ стало пониматься иначе. Это тревожный сигнал* (Метро. 07.07.2008); *В 90-е годы слова „вера“, „держава“, „нация“ были неприличными для произнесения вслух, нынче они ста-*

ли своего рода паролем для правящего слоя (Литературная газета. 07.05.2008); Одновременно, к сожалению, у нас слово „патриотизм“ сегодня воспринимают как казенщину, и мало что шевелится в душе (Московский комсомолец. 07.04.2011). Мы видим типовую организацию высказывания, включающую цепочку раньше (а именно: чувства нескольких поколений, традиционный уклад, 90-е годы) — сегодня, нынче, которая указывает на динамичность ценностной картины мира.

Фиксируя смысловую динамику аксиосферы, носитель языка по-прежнему осознает значимость в своей жизни базовых национальных ценностей. В текстовых фрагментах позитивная оценочность, поддерживаемая использованием ментально одобряемых характеристик, выполняет интегрирующую функцию солидаризации лингвокультурных сообществ: *А он знал волшебные слова — семья, опора, домашний очаг* (Московский комсомолец. 11.06.2015); *Патриот — очень хорошее слово* (Вечерняя Москва. 11.10.2011); *В их жизнь теперь вернулось то великое счастье, что называется простым коротким словом „семья“* (Красная звезда. 07.11.2007); *Слово „работа“ для Надежды Евгеньевны почти святое* (Вечерняя Москва. 07.03.1998); *Любимое слово ветерана — надо* (Центр Азии. 04.11.2011); *„Вечер у пруда“ Ивана Рубана отзывается светлым и прекрасным словом — „любовь“* (Вечерняя Москва. 22.03.1996); *С тех пор я боготворю слово „мама“, содрогаюсь, когда обижают матерей, не почитают их* (Дружба народов. 15.01.2009).

Безусловно, носители языка пытаются определить причины изменения смыслового наполнения базовых ценностей. Покажем рефлексивную деятельность носителей языка на материале нескольких ценностных концептов, входящих в ядро, выявленное в ходе ранее проведенного социолингвистического исследования.

Концепт дружба, универсальное человеческое качество [Вежбицкая 2001: 63—200], для русского этноса является одной из важных ментальных сущностей: «...ключевыми оказываются потребность в интенсивном и душевном личном общении и помощь другу в случае необходимости» [Шмелев 2002: 181]. Русская «человеко-другоцентричность» находит свое отражение в рефлексивных высказываниях, например: *Для него смысл слов „Дружба понятие круглосуточное“ не просто светловский афоризм. Это суть его отношений со многими и многими своими земляками, однокашниками, телевизи-*

онными соратниками и даже друзьями друзей... По моему убеждению, эта благородная упость его характера помогает создавать то, что многим другим просто не под силу (Коммерсантъ. 03.10.2002). Главные когнитивные признаки — самопожертвование, бескорыстие, единение — отсылают это понятие к духовным национальным ценностям высокого уровня и позволяют обыденному сознанию выявить особое место подлинной дружбы, включающей признаки святости и готовности отдать жизнь за друга: *Штормовой употребил слово „дружба“ в каком-то его древнем, давно умершем значении. Сейчас „дружба“ значила кучу разных вещей и только в последнюю очередь готовность умереть за друга в застенках Лубянки* (Знамя. 15.04.2010); *Сегодня я хочу, но не могу назвать Зяму другом лишь потому, что не знаю, позволил бы он сам употребить столь высокое слово — дружба* (Искусство кино. 15.04.2005).

С другой стороны, современная жизнь формирует менее требовательный взгляд на тот же самый предмет, из него выветриваются семантические компоненты, относящиеся к концептам высшего порядка: *Интернет, мобильная связь пестрят дружескими цветочками, улыбками, поцелуйчиками, корпоративные вечеринки и тренинги нацелены на поголовное братание, электронные тусовщики именуют себя универсальным термином „френд“, даже наши вусмерть озабоченные цифирью парламентарии и чиновники не стесняются порой по-свойски обнять коллегу за плечи. Похоже, дружелюбие становится модным* (Трибуна. 05.06.2008).

Выявляя причины изменения национально-специфичного поведенческого модуля русского человека, носители языка винят в этом современные рыночные отношения: *В первую очередь в известном душевном оскудении людей сыграли свою роль отнюдь не тяготы, выпавшие на долю россиян после краха СССР, а подрастающее там и сям материальное благополучие как продукт рыночных отношений. Давным-давно сказано: легко дружить, коли нечего делить. А вот когда появляется денежный эквивалент житейского успеха, пусть скромного, не слишком устойчивого, то и бескорыстия, без которого дружба просто не существует, приходит конец. Хрупкое качество людских связей, основанных на взаимной и безотчетной симпатии, вряд ли способно выдержать натиск экономического эгоизма* (Трибуна. 05.06.2008).

Содержание концепта *семья* в обыденном сознании современных носителей языка обладает положительной эмоционально-оценочной коннотацией, сохраняет свою значимость: *Ведь именно с семьи все начинается — и кончается тоже здесь. Именно семейные ценности названы „базовыми“ — точное слово! На семье „завязаны“ все узловые, болевые проблемы нашего времени. Тут тебе и демография, и экономика, и экология, и политика тоже — в хорошем, „правильном“ смысле этого слова. И если возможна, если реальна сегодня у нас в стране „национальная идея“ — она тоже здесь. В этом всеобъемлющем и таком простом и привычном словепонятии: семья* (Москва. 14.05.2007); *Слово „семья“ греет. Греет потому, что, на мой взгляд, отношение в нашем отечестве к семье и есть одна из традиционных российских ценностей. Базовых ценностей. И не случайно именно по этой ценности пытаются бить сегодня наши старые и новые идеологические противники* (Московская правда. 10.07.2014).

Обсуждение ценностного концепта — раскрытие сущностного смысла, определение индивидуально-авторского понимания — часто осуществляется с опорой на народно-этимологическое толкование лексемы «семья», строится на актуализации ярких свойств, которые имплицитно присутствуют во внутренней форме слова: *Традиционно слово „семья“ расшифровывается как „семь я“ то есть мама, папа и пятеро детей* (Московская правда. 13.05.2013); *Есть такое поверье: если девушка долго не может найти себе избранника, то надо посадить каменную розу и дожидаться, когда у нее вырастут семь ответвлений, от слова „семья“* (Вечерняя Москва. 27.07.2015); *А знаете, слово „семья“ — индийского происхождения. В переводе с санскрита это означает „лежать вместе“, — просвещал он друзей* (Московский комсомолец. 30.07.2002).

Рефлексивная деятельность языковой личности позволяет наметить зоны напряжения, которые представляют собой осуществленную фиксацию произошедших изменений в структуре стоящего за лексическим репрезентантом ценностного концепта.

1. Редуцируется признак полной семьи, происходит смена семьеобразующего начала, расширяется содержание концепта *семья*: *Мне немножко странно, когда слово „семья“ применяется, когда живут лишь двое — он и она, только мужчина и женщина* (Вечерняя Москва. 18.02.2004); *При всем моем трепетном уважении к слову „се-*

мья“, моя семья всегда была немного недосемья. Я рос у мамы один, мама много ездила, я оставался дома или у тети с дядей (Труд-7. 06.08.2009).

2. Человек «предпочитает говорить не о том, что такое семья, а о том, что значит быть семьей» [Занегина 2011: 23], рассуждает о качестве семейных отношений: *Почему раньше со словом „семья“ я представляла любовь, счастливых супругов, помогающих друг другу, уважение и взаимопонимание... А теперь? Теперь я вижу лишь множество проблем, которых нет, когда нет семьи? Вижу обман и постоянное напряжение — изменил, бросил, ушел, оставил с двумя детьми...* (Комсомольская правда. 24.04.2010); *Заняты собственными проблемами, карьерой, вопросами заработка и благоустройства, интересы родители отодвигают на задний план. А что же получают дети взамен? Телевизор, компьютер, общение на улице. В таких семьях дети вырастают нацеленными на материальные блага. Они хорошо знают, что означает слово „благополучие“, и совершенно не понимают, как объяснить слово „бескорыстие“* (Белгородские известия. 04.12.2012).

3. Редуцируются общечеловеческие морально-этические представления о семье, утрачивается модальность необходимости семьи: *Пашка попросту боится самого слова „семья“. Потому что детдом — это где портфель с твоим именем, а семья — где папа убивает маму* (Известия. 13.01.2009); *Мне 22 года. Мое вероисповедание — христианство, и я отношусь к этому серьезно. По законам религии я должна, я обязана, желательно в ближайшие годы, создать семью. Но даже к самому слову „семья“ я испытываю глубочайшее отращение... Наверное, во всем виноват мой дурак отец, который, сколько я себя помню, всегда очень плохо относился к домашним, постоянно орал на нас, оскорблял, унижал... Кроме того, мне всегда казалось, что, когда человек начинает семейную жизнь, он „умирает“ для общества. Моя мечта — общественная деятельность, и я не хочу погубить свои таланты из-за быта. Особенный ужас начнется, когда появится ребенок. Я боюсь, что из-за пеленок и колясок у меня прекратится полноценная жизнь* (Комсомольская правда. 13.02.2009).

Концепт *благополучие* содержательно амбивалентен, поскольку ценностная доминанта концепта включается в сферу духовных ценностей, ассоциируясь с домом, состоянием покоя и удовлетворения жизнью, и

в то же время «идея материальной обеспеченности является пресуппозицией по отношению к концепту» [Карасик 2010: 40]. Эта двойственность отмечена в семантической структуре лексемы, номинации концепта, см.: *благополучие* — «1. Спокойное и счастливое состояние. 2. Жизнь в довольстве, полная обеспеченность» [Толковый словарь... 2008: 47].

Носитель языка осознает эту двуликость: *Хорошее слово — благополучие. Например, живет мужчина и получает от жизни благо, материальное, физическое, душевное. Все смотрят и видят: он — благополучный, что, естественно, привлекает девушек. Благо — то, что включает в себе определенный положительный смысл* (Вечерка (Томск). 24.07.2013); *Слово „добро“ рядом со словом „благополучие“, как мне кажется, приобретает какой-то нехороший имущественный оттенок. Хотя, может быть, я придираюсь* (Воронежский курьер (Воронеж). 05.02.2004); *Слово „благополучие“ — это получение благ, причем блага могут быть как материальные, так и духовные* (Наш Белгород. 04.08.2012).

Кроме общих метаязыковых рассуждений, отмечены высказывания, которые констатируют доминирование духовной составляющей концепта: *Он вложил в слово „благополучие“ особый смысл — обрести „благо“ — „чувство любви, братства, доброты“* (Наш город Тамбов. 03.04.2006); *Для меня слово благополучие означает здоровье, достаток, уверенность в завтрашнем дне* (Новая жизнь (Багратионовск). 15.01.2005); *Есть одно ёмкое слово, которое вмещает в себя и счастье, и здоровье, и удачу, и многое другое. Это слово — благополучие!* (Тихоокеанская звезда (Хабаровск). 30.12.2011).

В обыденном сознании актуализируется и смысловой компонент материального достатка: *Никто не мог себе представить, что Остяко-Вогульский национальный округ станет одной из самых высокоразвитых территорий страны, лидером по социально-экономическим показателям, синонимом слова „благополучие“* (Вестник (Сургут). 10.12.2010); *Обращаю внимание на слово „благополучие“. В других странах здоровье давно уже было неперенным условием благополучия. Если хочешь быть богатым или хотя бы просто хорошо обеспеченным человеком, будь любезен заботиться о своем здоровье, нравится тебе это или не нравится* (Физкультура и спорт. 01.10.2010).

Личностное интерпретационное поле концепта *благополучие* динамично. В рамках

одного концепта сталкиваются противоположные тенденции осмысления. С одной стороны, традиционным является неприятие богатства и материального благополучия: *Ю. Норштейн: Современный человек сходит с ума по части своего благополучия и комфорта. Для него не существует таких понятий, как „дорога“, „нагретая трава“, „запах осенней прели“. Есть только практическая целесообразность жизни. А слова „благополучие“ и „комфорт“ мне омерзительны* (Троицкий вариант. 19.06.2012).

С другой стороны, новым в обсуждении содержания концепта *благополучие* является актуализация признаков, не свойственных национальному мировосприятию. Осуществляется попытка реабилитировать значимость материальных ценностей в жизни человека, уравнивать материальное и духовное начало: *Но самое страшное, с моей точки зрения, заключается в том, что мы лицемерим. И в экономике, и в политике, и в морали... Надо научиться называть вещи своими именами. Надо научиться выговаривать слово „деньги“, слово „благополучие“, слова „материальный достаток“. Надо научиться считать моральным желание человека жить хорошо и иметь много денег. Если же мы оставим человека между старой системой морали и новыми условиями жизни, то его расплющит. Плюрализм в одной отдельной взятой голове — это шизофрения. Наиболее адаптивные будут приспособливаться, ловчить. Будут нарушать мораль* (Волжская коммуна (Самара). 16.11.2002); *А. Пугачева: Желая, чтобы не было гордостью жить бедно, а было бы гордостью жить в достатке. Хочу пожелать, чтобы сохранились три слова на всю оставшуюся жизнь: свобода, закон и достаток* (Телевидение. 28.12.2016).

Концепт *счастье*, являясь категорией этики, имеет мировоззренческий характер. Представления о счастье, являющемся безусловной жизненной ценностью для каждого человека, окрашены культурной спецификой и входят в русскую языковую картину мира [Воркачев 2004; Зализняк 2005: 153—174]. Счастье связывается с такими семантически близкими понятиями, как *радость, гармония, положительные эмоции* и частными проявлениями состояния — *любовью, здоровьем, искусством, дружбой, любимым делом*. Например: *Вот почему сегодня наша борьба за сохранение нравственного начала в жизни людей, за сохранение веры в человеческих сердцах — это борьба за то, чтобы любовь присутствовала в*

жизни человека, а через любовь и то, что мы называем простым словом счастье (Комсомольская правда. 29.08.2016). Все эти признаки могут быть обобщены и соотнесены с лексикографическим толкованием лексемы *счастье*: «Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения» [Толковый словарь... 2008: 963].

Смысловое поле концепта *счастье*, выстроенное на базе метаязыковых высказываний, оказалось динамически развивающимся «зонтичным» понятием, которое объединяет все сферы жизнедеятельности — профессиональную, семейную, общественную, духовную, — и каждое из этих осмыслений вносит в ценностный объект новые компоненты. Проиллюстрируем данное положение: 1) координация счастья с семейными ценностями: *Слово „счастье“ — это когда у меня есть дом, мои близкие, друзья, все здоровы и готовы понять тебя и поддержать в любую минуту* (Знамя труда (Сланцы). 02.09.2011); 2) координация с духовной жизнью: *Счастье — это быть в ладу с собой. Ведь как расшифровывается слово „счастье“: быть „с частью“, с частью Бога. А Бог есть истина, есть правда, есть любовь, и только с ним можно быть счастливым* (Труд. 18.01.2011); 3) координация с общественной сферой: *В духовном понимании слово „счастье“ — это доброта и сострадание, <...> в социальном смысле — счастье в труде на благо общества* (Информ-Полис. 17.08.2013); 4) координация с профессиональной сферой: *Слово „счастье“ — это когда занимаешься любимым делом, которое радует и вдохновляет не только тебя, но и тех, с кем работаешь* (Встреча (Дубна). 16.06.2011) и др.

Современная жизнь вносит коррективы в традиционное осмысление счастья. Метаязыковые высказывания фиксируют нарушение общепринятого табу на значимость богатства и денег в структуре национальных ценностей. Аксиологические весы ценностной категории *счастье* уравнивает положительное представление о богатстве, сформированное западным типом экономического мышления: *Сейчас настали другие времена, и многие стали понимать слово „счастье“ как свободу в денежном выражении: ты богат, ни от кого не зависишь, значит, счастлив. И чтобы мог сказать, устало вздохнув: „Не в деньгах счастье“* (Вечерняя Казань. 24.08.2011); *Что такое слово „счастье“? Я не верю в счастье без денег. Люди, которые имеют деньги, счастливы. Для каждого возраста есть разная потребность в деньгах* (НТВ. Принцип домино. 06.10.2002); *Слово „сча-*

стье“ — это когда все эти материальные ценности объединены в одном месте, когда из окна вашего жилища открывается прекрасный вид, когда у вас есть собственный дом, а рядом — пруд, лес, цветущий яблоневый сад (Смена (Белгород). 24.09.2011). Счастье в последних контекстах рассматривается как феномен, зависящий от самого человека и связанный с удовлетворением материальных потребностей.

Подведем итоги нашим наблюдениям. Метаязыковое сознание носителя языка аксиоцентрично: предмет обыденной аксиологии составляют рефлексивные высказывания, топиком которых является ценностное содержание слова, вербализующего концепт. При этом метавысказывания закрепляют ценностно-смысловые изменения, вербализуют то, что усваивается другими невербализованно.

Рефлексивное обсуждение переакцентуализации традиционных ценностных смыслов по мере вынужденного приспособления носителя языка к новой социальной среде позволяет сделать вывод о формировании прагматического взгляда на область традиционных духовных ценностей — дружбу, семью, благополучие, счастье. Сдвиг в сторону материального начала свидетельствует о реализации адаптационной деятельности носителя языка в связи с изменившимися условиями жизни, о конкретной навигации человека в условиях экономических, политических и социальных преобразований в стране. Тенденция формирования отрицательно-оценочных коннотаций у ключевых концептов русской культуры создает ситуацию конфликта разных ценностных систем. Ситуация смысловой амбивалентности ключевых концептов носит дезинтегрирующий характер. Но в то же время обсуждение важных в жизни каждого человека гуманистических ценностей семьи, дружбы, благополучия, счастья в качестве актуального, а значит «переживаемого фрагмента опыта» [Карасик 2013: 94] говорит об интегральной функции базовых для русской культуры понятий, о потребности современного человека опереться на незыблемый фундамент культурного кода нации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. — М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.
2. Вепрева И. Т., Ицкович М. М., Купина Н. А., Шалина И. В. Ценностные предпочтения современной студенческой молодежи в лингвокогнитивном и социопсихологическом освещении // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 2. С. 62—73.
3. Вепрева И. Т., Купина Н. А. Языковая репрезентация ценностных предпочтений уральцев по данным местной прессы // Изв. Саратов. гос. ун-та. Новая сер. Сер.: Филоло-

гия. Журналистика. 2016. № 2. С. 125—129.

4. Волков Ю. Г. В поисках новой идеологической парадигмы // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 2. С. 80—101.

5. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 236 с.

6. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. — М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

7. Занегина Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2011.

8. Карасик В. И. Эмблематический концепт «благополучие» // Политическая лингвистика. 2010. № 3 (33). С. 34—40.

9. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. — М.: Гнозис, 2013. 320 с.

10. Купина Н. А. Предвыборная агитационная кампания — 2016: аксиологический консерватизм и идеологический радикализм // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59). С. 38—44.

11. Купина Н. А. Аксиологическая доминанта в тексте программной статьи губернатора Свердловской области Евгения Куйвашева «Мобилизация на успех: год 2016» // Политическая лингвистика. 2016. № 1 (55). С. 20—25.

12. Магун В., Руднев М., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестн. общественного мнения. 2015. № 3—4 (121). С. 74—94.

13. Национальные базовые ценности и их динамика: результаты социолингвистического мониторинга / отв. ред. И. Т. Вепрева. — Екатеринбург: Ажур, 2015. 60 с.

14. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

15. Тощенко Ж. Т. Травма общества: между эволюцией и революцией (опыт социологического теоретизирования) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19—21 окт. 2016 г.): материалы V Всерос. социолог. конгр. / отв. ред. В. А. Мансуров. — М., 2016. С. 5952—5966.

16. Шалина И. В., Пиккулева Ю. Б. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 121—132.

17. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. — М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

18. Korzeniewska-Berczynska J. Obraz człowieka w kontinuum publicystyki. = Образ человека в континууме публицистики. — Olsztyn: Wydawnictwo UWM, 2001. 150 с.

I. T. Vepreva, T. V. Maltseva
Ekaterinburg, Russia

BASIC VALUES OF RUSSIANS IN REFLECTION OF LANGUAGE SELF-CONSCIOUSNESS

ABSTRACT. *The article continues a series of empiric researches by the Ural State Federal University scientists, devoted to national basic value dynamics at the turn of the century. Metalinguistic diagnostics was chosen to serve as a methodological basis of this part of research, determining commonplace sense behavior within intensive renovation of conceptual sphere. When changing over a historical paradigm, a commonplace sense manifests itself as the most important part of language self-consciousness, participating in mental-verbal process of personal preference renovation. The corpus of metalinguistic utterances, identified in the database Integrum (Integrum.ru), which includes 3569 media world sources, forms a discourse of a particular type, that reflects an estimative attitude of Russians to basic values. In the course of analysis vectors of estimative preference development were identified, which were formed on the basis of national culture-historical traditions.*

In the first place reflexive discussion records dynamic processes in comprehension of traditional estimative precepts. Metautterances reveal axiological changes in axiosphere of Russians. The article gives a conclusion of formation of pragmatic view on the area of traditional spiritual values — friendship, family, wealth, happiness — in accordance with native speaker's adaptation to new social and political conditions. A move to unspiritual gives evidence of a person's navigation in conditions of economic, political and social changes in the country. A trend to formation of negative estimative connotation in key concepts of Russian culture creates a situation of different value system conflict. A situation of ambivalence in the meanings of key concepts has a disintegrating character. But at the same time a discussion of important humanistic values of family, friendship, wealth and happiness as a relevant and infelt experience proves an integral function of basic Russian culture notions, as well as the necessity of a contemporary person to rely on an unshakeable foundation of a cultural nation code.

KEYWORDS: *language reflection; metalinguistic utterances; everyday axiology; concept; basic values, dynamics.*

ABOUT THE AUTHORS: *Vepreva Irina Trofimovna, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Chair The Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.*

Maltseva Tatiana Vyacheslavovna, master of Department of Rhetoric and Stylistics of the Russian Linguistics, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Vezhbitskaya A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevykh slov. — М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

2. Vepreva I. T., Itskovich M. M., Kupina N. A., Shalina I. V. Tsenostnye predpochteniya sovremennoy studencheskoy molodezhi v lingvokognitivnom i sotsiopsikhologicheskom osveshchenii // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. 2016. № 2. С. 62—73.

3. Vepreva I. T., Kupina N. A. Yazykovaya reprezentatsiya tsenostnykh predpochteniy ural'tsev po dannym mestnoy pressy // Izv. Saratov. gos. un-ta. Novaya ser. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika. 2016. № 2. С. 125—129.

4. Volkov Yu. G. V poiskakh novoy ideologicheskoy paradigmy // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2003. № 2. С. 80—101.

5. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 236 с.

6. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira. — М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

7. Zanegina N. N. Kontsept «sem'ya» v russkom literaturnom yazyke i printsipy ego opisaniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — М., 2011.

8. Karasik V. I. Emblematiceskyy kontsept «blagopoluchie» // Politicheskaya lingvistika. 2010. № 3 (33). С. 34—40.

9. Karasik V. I. Yazykovaya matritsa kul'tury. — М.: Gnozis, 2013. 320 с.

10. Kupina N. A. Predvybornaya agitatsionnaya kampaniya — 2016: aksiologicheskyy konservativizm i ideologicheskyy radikalizm // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 5 (59). С. 38—44.

11. Kupina N. A. Aksiologicheskaya dominanta v tekste programnoy stat'i gubernatora Sverdlovskoy oblasti Evgeniya Kuyvasheva «Mobilizatsiya na uspekh: god 2016» // Politicheskaya lingvistika. 2016. № 1 (55). С. 20—25.

12. Magun V., Rudnev M., Shmidt P. Evropeyskaya tsenostnaya tipologiya i bazovye tsennosti rossiyan // Vestn. obshchestvennogo mneniya. 2015. № 3—4 (121). С. 74—94.

13. Natsional'nye bazovye tsennosti i ikh dinamika: rezultaty sotsiolingvisticheskogo monitoringa / отв. ред. I. T. Vepreva. — Ekaterinburg: Azhur, 2015. 60 с.

14. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy

o proiskhozhdenii slov / otv. red. N. Yu. Shvedova. — M. : Azbukovnik, 2008. 1175 s.

15. Toshchenko Zh. T. Travma obshchestva: mezhdru evolyutsii i revolyutsii (opyt sotsiologicheskogo teoretizirovaniya) // Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19—21 okt. 2016 g.) : materialy V Vseros. sotsiolog. kongr / otv. red. V. A. Mansurov. — M., 2016. S. 5952—5966.

16. Shalina I. V., Pikuleva Yu. B. K probleme opisaniya

metodiki lingvoaksiologicheskogo analiza (na materiale dialogicheskogo obshcheniya nositeley prostorechnoy lingvokul'tury) // Nauchnyy dialog. 2016. № 11 (59). S. 121—132.

17. Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya model' mira : materialy k slovaryu. — M. : Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 224 s.

18. Korzeniewska-Berczynska J. Obraz czlowieka w kontinuum publicystyki. = Obraz cheloveka v kontinuumie publitsistiki. — Olsztyn : Wydawnictwo UWM, 2001. 150 s.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов.